

Здесь, на просторах полей, душа обретала свободу, словно можно было по-настоящему ощутить ту беззаботность, о которой говорили древние: «Небо — как крыша, земля — как ложе, а горы — как границы».

Цзян Бин взглянул на спокойное, но слегка радостное лицо Е Юйфана и вдруг спросил:

— Ну как, считаешь, что я хороший?

Е Юйфань закрыл глаза, повернувшись лицом к небу, и медленно произнёс:

— Ты всё ещё должен мне тысячу юаней.

— ...Ты издеваешься? — Цзян Бин взорвался. Этот парень, неужели он измеряет чувства деньгами? Какой бессердечный!

— Шучу, — спокойно сказал Е Юйфань. — В общем, неплохо.

Цзян Бин:

— ...Чёрт.

Е Юйфань открыл глаза и пробормотал себе под нос:

— Хотел бы я запечатлеть это чувство в рисунке.

Цзян Бин вспомнил их прошлый разговор с Цзян Сюэ и спросил:

— Ты хочешь научиться рисовать?

Е Юйфань нахмурился:

— Да.

Цзян Бин:

— И что, поступать в художественный институт? — Он слышал от Цзян Сюэ несколько раз о поступлении в художественный институт, поэтому решил, что это конечная цель для тех, кто учится рисовать.

Е Юйфань покачал головой:

— Нет, просто рисовать.

Услышав, что Е Юйфань не собирается поступать, Цзян Бин обрадовался, ведь это значило, что тот продолжит быть рядом с ним. Но тут Е Юйфань добавил:

— Если бы я решил поступать в университет, я бы легко поступил.

Легко... поступил... Чёрт возьми!

Цзян Бин выплюнул травинку, которую жевал, и спросил:

— Давно хотел спросить, почему ты бросил учёбу? В прошлый раз ты не ответил.

Е Юйфань замялся:

— Учёба показалась мне скучной.

— Период бунтарства? — В душе Цзян Бина всегда было какое-то смутное предчувствие: эта жизнь для Е Юйфана была лишь временным отвлечением, и скоро он вернётся в свой мир. Раньше его это не беспокоило, но в последнее время он всё больше задумывался об этом.

— Нет, это не бунтарство. Я заболел, — сказал Е Юйфань.

— Что? — удивился Цзян Бин. — Какая болезнь?

Е Юйфань решил не скрывать и честно ответил:

— Несколько месяцев назад мои родители отвели меня к врачу. Сказали, что у меня может быть шизофрения. Я прошёл несколько сеансов психотерапии и гипноза, но психическое напряжение было слишком сильным, и я сильно похудел, сбросил больше двадцати килограммов. Вот и бросил учёбу.

Цзян Бин не знал, сколько сил потребовалось Е Юйфаню, чтобы так спокойно рассказать о столь болезненном опыте, но он понимал, что сейчас тот не раскрывает своей истинной сути.

Цзян Бин вспомнил их первую встречу и заподозрил, что Е Юйфань тогда упал в воду не случайно, а намеренно... Но и тогда он, как и сейчас, притворялся радостным, в его глазах читалась тоска, желание быть понятым, но в то же время его голос звучал на удивление равнодушно.

...Ах, какой же он сильный человек!

Цзян Бин с трудом сдерживал желание ударить его и спросил:

— Ты думаешь, что с тобой случилось самое ужасное, что только может быть?

— Нет... — машинально ответил Е Юйфань.

— Не отрицай! Твоё лицо, твои глаза — они не могут обмануть! — Цзян Бин разозлился на отношение Е Юйфана. Он даже не подозревал, что у того был такой опыт, и мысль о том, что Е Юйфань, возможно, всё ещё думает о самоубийстве, вызвала в нём сильное беспокойство, настолько сильное, что он хотел отругать его:

— Неужели это настолько безнадежно? В мире столько людей, трагедии происходят каждый день! Мой дядя погиб в автокатастрофе, оставив всю семью! Мой двоюродный дядя умер от рака в двадцать восемь лет, когда его ребёнок ещё был в утробе! Но что теперь? Они всё ещё живут! А мои родители... Мы с детства жили в нищете, мои родители постоянно сталкивались с проблемами в бизнесе, каждые два года мы теряли всё и начинали заново...

Е Юйфань покачал головой:

— Мы с вами разные. Ты не понимаешь.

Цзян Бин усмехнулся:

— Ха! Какие разные? Что я не понимаю? Я старше тебя на два года, видел больше, чем ты! Хотя ты и умный, но кроме хороших оценок, что в тебе особенного? Ты, наверное, с детства был окружён любовью и заботой, а теперь из-за мелочей раздуваешь из мухи слона...

Е Юйфань смотрел на него, чувствуя, как кровь в его жилах закипает от слов Цзян Бина. Он был в ярости: как он смеет так говорить о нём!

— Твои одноклассники знают о твоей болезни? Поэтому ты считаешь себя особенным, да? Ха, обычно такие вещи не рассказывают другим, почему ты сам мне сказал? Чтобы вызвать жалость? Или чтобы показать, что ты особенный?

Е Юйфань не смог сдержаться и бросился на Цзян Бина, нанося сильный удар.

Цзян Бин не уклонился, спокойно приняв удар, и продолжал издеваться:

— Ты ешь, спишь, твой интеллект в норме, только эмоции немного притупились, но какая это шизофрения? Ты просто заучился!

Е Юйфань, с покрасневшими глазами и тяжёлым дыханием, уже едва сдерживал свой гнев:

— Ты ничего не понимаешь! Ты, тупица с нулевым интеллектом!

С нулевым... интеллектом? Чёрт возьми!

— Я только знаю, что ты каждый день выглядишь, как будто хочешь умереть, и заставить тебя улыбнуться — это настоящий подвиг! Я не знаю, что с тобой, но тогда скажи мне, где я не понимаю! Ты сам тупица! Ты тупица с отрицательным интеллектом! — Голос Цзян Бина был громче, чем у Е Юйфана, его крик, словно ураган, поднимал траву вокруг, и она разлеталась вдаль.

— Ты... Ты знаешь, каково это, когда твоя жизнь полностью разрушена? Ты знаешь, каково это, когда у тебя случаются провалы в памяти? — Е Юйфань кричал, уже на грани срыва. — Ты знаешь, каково это, когда символы в книге начинают меняться? Ты знаешь, каково это, когда после гипноза ты чувствуешь, будто тебя разорвали на две части? Моя жизнь, моя жизнь полностью разрушена этим человеком!

Сдерживаемые слёзы хлынули наружу, а гнев, словно фейерверк, вспыхнул ярко.

Цзян Бин:

— В тебе два человека? Ты что, рассказываешь мистическую историю? Я знаю тебя не так долго, но никогда не замечал, что с тобой что-то не так. Какой шарлатан сказал, что у тебя шизофрения? Это подтверждено? ...Ах! Не думай, что весь мир крутится вокруг тебя, ты просто слишком долго был на вершине! Это ты сам создаёшь проблемы, а потом винишь других!

— Заткнись! — Е Юйфань бросился на него, крича, рыча, желая избить Цзян Бина так, чтобы тот не мог больше говорить!

Здесь, кроме Цзян Бина, никто не видел его потери контроля, никто не видел его слёз.

Здесь он мог безудержно кричать, истерически плакать, и все те страхи, которые он долго сдерживал, вся скопившаяся печаль наконец вырвались наружу.

— Что ты понимаешь! Ты даже не знаешь, о чём я думаю! Как ты смеешь так говорить! Ты думаешь, я хочу этого? Вы все не знаете, чего я боюсь! Я тоже думал о смерти! Я тоже думал уйти! Но я просто не могу!

— Пошёл ты, — Цзян Бин с силой ударил его, яростно глядя на Е Юйфана, желая выбить из

него эту чепуху! — Если ты ещё раз подумаешь о смерти, я сам тебя прикончу!

— Да, это всё моя вина, убей меня, и мне больше не придётся смотреть на ваши лица, я больше не буду никого разочаровывать и заставлять плакать! Я не знаю, почему я здесь! Всё здесь чужое! Даже я сам! — Голос Е Юйфана уже стал хриплым, но он всё ещё изо всех сил кричал:

— Кто я такой!

Цзян Бин символически отбивался, получая больше ударов, чем наносил сам.

— Кто тебе показывает свои лица? Если ты не хочешь быть со мной, возвращайся! Иди учись! Всё, что ты делаешь, — это твой выбор! И ты, который так хочет рисовать, но притворяется, что его заставляют, кому ты это показываешь?

— Заткнись! — Е Юйфань бил его, плача, его лицо было залито слезами.

— Что ты понимаешь, ты, мерзавец...

Цзян Бин:

— Да, я мерзавец! Ты считаешь меня другом? Я отдал тебе всю душу, а ты! Ты даже не хочешь открыться никому! Прекрати ныть!

Они били друг друга, кричали, пока у них не кончились силы.

Они лежали на земле, покрытые травой и грязью.

Небо, ветер, земля...

[Маленькая сценка]

Много времени спустя:

Е Юйфань спросил Цзян Бина:

— Твой дядя действительно погиб в автокатастрофе? Что случилось с его семьёй потом?

Цзян Бин:

— Что? У меня нет дяди, только тётя.

Е Юйфань:

— ...

Е Юйфань:

— Твой двоюродный дядя умер от рака в двадцать восемь?

Цзян Бин:

— Что? Не проклинай!

— ... — Е Юйфань пнул Цзян Бина с кровати.

Цзян Бин, лежа на полу, подумал и закричал:

— Мы действительно раньше жили в нищете, я не врал!

<http://bllate.org/book/16335/1474887>